

Когда Лу Чаое проснулся в постели И Чжу, он потянулся к телефону, лежавшему у изголовья, чтобы проверить время — было уже больше девяти.

На тумбочке стоял аромадиффузор, зажженный еще вчера вечером. В комнате до сих пор витал свежий аромат цитрона, пропитавший собой всё: и постельное белье, и самих парней.

И Чжу, принявший вчера душ, выпил всего пару бокалов и уснул, едва коснувшись подушки. Сейчас он лежал лицом к Лу Чаое, подложив ладонь под щеку. Спал он крепко и спокойно, совсем не напоминая того колючего и вечно задиристого парня, каким становился, когда бодрствовал.

За последний месяц И Чжу похудел килограммов на десять, и теперь из-под ворота пижамы отчетливо вырисовывались ключицы.

Внезапно ресницы И Чжу затрепетали, подавая признаки пробуждения. Лу Чаое тут же приподнялся и сел, повернувшись к нему спиной.

Вчера он надел майку И Чжу. Сидя на краю кровати, он уже собирался ее снять, как вдруг сзади протянулась рука и мягко перехватила его за запястье.

— Вчера от одежды несло хот-потом, не надевай ее, — слышался сонный голос, и И Чжу, взъерошив волосы, сел на кровати.

Лу Чаое, не оборачиваясь, едва заметно улыбнулся. Он и сам не собирался надевать ту вещь.

Он обернулся и как раз застал момент, когда И Чжу потянулся потереть глаза. Лу Чаое тут же перехватил его руки.

— Вставай, иди умойся.

И Чжу мысленно возмутился: что за притворство? Если бы не я, ты бы так и пошел в провонявшей одежде.

В общежитии у И Чжу была полутораспальная кровать и крошечный балкон. Первым делом после пробуждения он всегда распахивал шторы, впуская свет.

День выдался ясным, порывистый утренний ветерок окончательно прогнал остатки сна.

И Чжу направился умываться, но на полпути вспомнил о чем-то, свернул к шкафу и начал там рыться, крича в сторону ванной:

— Какой у тебя обхват груди? А талии? Какой длины ноги?

Лу Чаое, только что закончивший мыть голову, отозвался быстро:

— Таких, что ты еще не носил.

И Чжу замер.

У прежнего владельца вещей было полно обновок с неснятыми бирками, но, зная придирчивость Лу Чаое, он вряд ли захотел бы надеть то, что уже соприкасалось с чужим телом.

Молодой господин Цзян был известен своей любовью к кричащим, пестрым нарядам, словно собирался немедленно отправиться на тайский курорт. Покупал он одежду оптом, и нынешнему И Чжу такие траты были не по карману, поэтому приходилось донашивать то, что осталось.

И Чжу и сам любил яркие рубашки, но облачаться в них с ног до головы было уже перебором. К счастью, прежний хозяин не дошел до крайности и не скупал все брюки в цветочек, оставив хоть немного пространства для маневра.

Для Лу Чаое он выбрал из шкафа самое простое.

Когда Лу Чаое вышел из ванной с высушенными волосами, И Чжу уже был в кедах и даже расставил для него всю косметику.

Увидев его, И Чжу встал со стула у обувной полки и сделал театральный жест, приглашая гостя одеться.

И Чжу, будучи бунтарем, специально выбрал для Лу Чаое хлопковую футболку, которую уже носил сам, в качестве нижнего слоя. А сверху предложил новую, ярко-зеленую толстовку без капюшона и джинсы с биркой, сшитые из двух видов денима — светлого и темного.

Вышивка и бисер на джинсах стали для Лу Чаое, привыкшего к чистому стилю минимализма, настоящим шоком. Но когда он увидел самого И Чжу, то понял, что такое настоящий образ.

И Чжу был в широких брюках с огромными прорезями на голеньях, поверх майки накинул винтажный жилет в красно-черных тонах. На шее у него красовался тонкий черный кожаный чокер с золотыми вставками, на запястье — браслет из той же серии, а на голове — очки в бордовой овальной оправе.

Типичный наряд из разряда увидит мама — выгонит из дома. Даже Лу Чаое, который, как ему

казалось, привык к выходкам И Чжу, не смог удержаться и окинул его оценивающим взглядом.

Спору нет, изящная фигура И Чжу позволяла ему носить даже самые сложные и вычурные вещи. У него были красивые руки с четкими линиями — сильные, но не слишком худые.

И Чжу в это время крутился перед зеркалом, то заправляя край жилета в брюки, то выправляя его обратно.

Не услышав рядом движения, он спросил:

— Чего застыл? У тебя же в десять пара, не пора идти за учебниками?

Было уже девять сорок.

Сказав это, И Чжу засуетился даже больше, чем Лу Чаое: начал спешно наносить на лицо и шею солнцезащитный крем и схватил с вешалки куртку.

Лу Чаое дернул бровью. У него возникло смутное подозрение:

— Ты чего так торопишься?

Неужели он собирается пойти на пару вместе с ним?

И Чжу, доставая из шкафчика у двери маску, ответил:

— Есть дела, надо сбегать.

Лу Чаое посмотрел на его суету:

— Понятно.

И Чжу, вспомнив вчерашнюю неловкую атмосферу, добавил:

— Честно, не вру.

Однако о том, что именно за дела, он промолчал.

Тон Лу Чаое стал еще более странным:

— Понятно.

И Чжу, уже стоя у выхода, почувствовал неладное. Он обернулся и, как ребенка, принялся успокаивать его:

— Я быстро. У меня сегодня и завтра пары до самого вечера.

Лу Чаое, наклонившись, чтобы завязать шнурки, бросил холодное:

— Не обязательно мне отчитываться, мне это неинтересно.

И Чжу опешил: что происходит? Почему этот человек после общей ночи вдруг сменил гнев на милость, а потом опять закрылся?

И Чжу был уверен, что в следующий раз они увидятся не раньше вечера.

На последней паре по западной эстетике он специально выбрал место на заднем ряду у прохода, разложил учебники и, уткнувшись в планшет, проверял статистику своего аккаунта.

Сюй Цзюйхао и Чжэн Чжуси, с которыми он обычно сидел вместе, расположились чуть поодаль: один переписывался в телефоне, другой играл в игры.

На задних рядах почти никто не слушал лекцию, люди постоянно входили и выходили через заднюю дверь.

И вот, прямо перед самым началом, в аудитории появился знакомый силуэт.

Это был Лу Чаое.

И Чжу был настолько погружен в свои дела, что поднял голову, лишь когда учительница начала отмечать присутствующих, и тут же узнал знакомую одежду.

Как раз в этот момент преподавательница вызвала ответить парня в зеленой толстовке, сидящего на предпоследнем ряду.

Чжэн Чжуси и Сюй Цзюйхао тоже узнали его — они были в курсе конфликтов между прежним И Чжу и Лу Чаое.

Чжэн Чжуси злорадно усмехнулся:

— Ну, попал.

Сюй Цзюйхао, видевший, как меняются их отношения, лишь промолчал.

Лекции по западной эстетике велись на китайском и английском. Преподавательница задавала вопросы на английском, и если студенты не понимали, она переводила.

Лу Чаое бегло ответил, сыпля именами и профессиональными терминами. И Чжу, который лекцию не слушал, лишь хлопал глазами, ничего не понимая.

В конце преподавательница спросила:

— Как вас зовут? Я добавлю вам баллы за активность.

Лу Чаое выпрямился и ответил:

— Спасибо, преподаватель. Мой друг сказал, что ваш курс очень интересный, я пришел за компанию с ним.

По аудитории пронесся гул.

— С парнем, — добавил Лу Чаое, чтобы не возникло двусмысленности.

Гул в аудитории стал еще громче.

<http://bllate.org/book/19954/1964827>